

after the vowel of a syllable with free secondary stress; and also after vowels with a connected secondary stress in suffixes without quantity or consonant quality gradation such as *-line*, *-lane*, *-kene*, etc.; such suffixes without gradation reveal a certain tendency to acquire a free secondary stress in colloquial pronunciation).

Quantity 3 (or overlength) is indeed very closely associated with stress (cf. I. Lehiste, p. 42: "overlength is somehow associated with stress"), and, namely, with primary stress and connected secondary stress.

The detailed problems of quantitative phonology in Estonian, including the neutralization of phonological quantity in non-initial syllables, cannot be solved satisfactorily for intuition unless one links these problems with the phonology and also with the morphophonology of the stress system. It is regrettable that so little attention has been paid to the system of stress in Estonian up to now.

The reviewer is entirely in sympathy with I. Lehiste's standpoint that quantity 3 in Estonian is associated with either overlong vowels and diphthongs or with overlong consonants (p. 1), and not with a consonant cluster as a whole.² Such a

² Cf. M. Hint, On the Phonological Transcription of Overlength in Standard Estonian. — СФУ II 1966, pp. 23—36.

point of view derives from the peculiarities of the phonological system, not from the assignment of a phonological status to physical duration. Consequently a phonologist fails to be convinced by I. Lehiste's attempt to justify an earlier inconsistency of hers, viz. her assignment to quantity 2 of the initial component \dot{t} of the consonant cluster in *katki*, a word of quantity 3 (p. 45 ff).³

The present review contains some observations about the role of quantity within the phonological system of Estonian which are directly connected with the subject-matter of I. Lehiste's investigation and with her phonological interpretation of phonetic data.

I. Lehiste's book is an extremely welcome contribution to the investigation of the phonetics and phonology of quantity in Estonian. It is all the more welcome because the materials analyzed by I. Lehiste make it possible for analogous data to be submitted for vowels and voiced consonants. Hence there is reason to hope that before very long we shall see some additions to the investigation discussed in this review.

MATI HINT (Tallinn)

³ Cf. I. Lehiste, Segmental and Syllabic Quantity in Estonian. — American Studies in Uralic Linguistics (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 1), Bloomington 1960, p. 55.

<https://doi.org/10.3176/lu.1967.4.12>

Г. И. Лаврентьев, Волжский говор марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1967.

20 апреля 1967 г. на заседании Ученого совета Историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации преподавателем Цибикнурской средней школы Марийской АССР Г. И. Лаврентьевым. Официальными оппонентами выступили академик Академии наук ЭССР П. Аристэ и кандидат филологических наук И. Г. Иванов. Над своей диссертацией Г. И. Лаврентьев работал на кафедре марийского языка Марийского педагогического института под руководством профессора Н. Т. Пенгитова.

По своей композиции и методу анализа работа Г. И. Лаврентьева отличается от предыдущих диссертаций, посвященных характеристике говоров. В последнее время в марийском языковедении появился целый ряд исследований по отдельным говорам. Диссертация Г. И. Лаврентьева представляет собой одну из таких работ. Она посвящена своеобразному, но до сих пор малоизученному волжскому говору марийского языка. Эта диалектная разновидность занимает довольно значительную территорию по левому берегу Волги и составляет почти одну десятую часть всего

марийского населения. Носители современного волжского говора остановились на историческом пути движения марийцев по лесному Заволжью. Через территорию, занимаемую ими в настоящее время, прошло расселение наших предков в глубь марийских лесов. Как арьергарду этого движения им суждено было стать «переходным мостиком» между двумя крупными диалектными группами марийского языка — горной и сернурско-моркинской. Поэтому в их языке развивались черты, характерные для обоих основных наречий марийского языка. Изучение этих своеобразных переплетений переходного типа во многом могло бы помочь точно установить направления движения марийцев в период формирования их народности. Вот почему выбор Г. И. Лаврентьевым волжского говора в качестве темы для диссертации заслуживает одобрения. Такая работа нужна не только для лингвистов, но и для других специалистов, изучающих историю и культуру марийского народа.

Диссертация Г. И. Лаврентьева особенно интересна в плане сравнения с северо-западными говорами. В этих двух диалектах, территориально расположенных далеко друг от друга и не имеющих контактов, обнаруживается поразительное сходство в развитии многих языковых явлений. Сопоставление предыдущих исследований с работой Г. И. Лаврентьева может дать хороший материал об иммиграции марийского населения в прошлом. Уже теперь, видимо, можно предположить, что волжский, особенно его липшинско-сидельниковский куст, и северо-западные говоры — две ветви одного корня, причем довольно близкие. К сожалению, автор, поставив перед собой другую цель и увлекшись ею, не обратил на это должного внимания. Нужно отметить, что диссертант по какой-то причине вообще игнорирует существование в марийском языке северо-западного наречия, уже общепризнанного марийским языковедением.

Тем не менее объемистая диссертация Г. И. Лаврентьева (369 стр. машинописи) весьма обстоятельно характеризует все отличительные особенности волжского говора. Она включает в себя описание фонетики и морфологии и их анализ с точки зрения исторического развития. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. На долю Г. И. Лаврентьева вы-

пала трудная задача в том отношении, что волжский говор по своим языковым особенностям весьма неоднороден. В него входит несколько подговоров, значительно отличающихся друг от друга. Диссертант указывает их границы и отличительные черты. Это также очень важно, ибо почти все отличия уходят своими корнями в общешинно-угорскую древность. Г. И. Лаврентьев добросовестно охарактеризовал и объяснил их причины.

Очень обстоятельно написана часть диссертации, посвященная консонантам говора. Представляет интерес распространение в одном из подговоров какуминального ζ (Ч). Это редкое древнее явление марийского языка сохранилось, кроме волжского, только в некоторых говорах восточного наречия.

Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что редуцированные огубленные гласные непервых слогов обязаны своим происхождением редуцированным огубленным первого слога. Такое положение наблюдается во всех говорах, где имеются лабиализированные редуцированные. Поэтому надо считать верным вывод Г. Лаврентьева о том, что нельзя предполагать появления редуцированных огубленных сначала в безударных слогах, а затем уже их распространение на первые ударные слоги. Несомненно, что прежде всего они появились именно в ударных слогах и потому только стали фонемами.

Очень подробно описаны фонетические изменения в потоке речи. Следует отметить, что фонетика говора в диссертации вообще освещена очень хорошо.

Вторая глава диссертации не менее интересна. И здесь, в области морфологии, автор нашел много интересных языковых фактов. Например, форма повелительного наклонения в 3-ем лице (*толжан* 'пусть придет', *толыштан* 'пусть придут'), степени сравнения прилагательных, формы времен глаголов и т. д. В главе «Морфология» наиболее подробно охарактеризованы глаголы. Остальные части речи рассматриваются главным образом с точки зрения их отличия от марийского литературного языка. Здесь Г. И. Лаврентьев повторяет ошибки многих молодых исследователей. При изучении диалектов, как справедливо заметил на защите П. Аристы, использование данных литературного языка в качестве отправных моментов не-

желательно, ибо апеллируя к литературному языку, исследователь нередко встает на путь отождествления явлений, характерных для изучаемого говора, с литературным языком.

В заключении диссертации сделан вывод о том, что волжский говор, несмотря на свои отличия, следует отнести к луговому наречию.

Отрадно отметить, что автор наряду с синхронным описанием особенностей говора часто обращается к данным истории языка. Он сопоставляет то или иное явление говора с соответствующими явлениями других марийских диалектов, а также многих родственных и неродственных языков. В диссертации использованы почти все новейшие данные исторического финно-угроведения. Во многие положения автор вносит свои поправки; отстаивая свои взгляды, приводит новые аргументы из фактов изучаемого говора. В диссертации Г. И. Лаврентьев ссылается на труды очень многих исследователей. Однако в отдельных местах ссылка на другие, в особенности зарубежные работы, несколько нарушает стройность диссертации. Так, говоря о современном состоянии марийского языка, он ссылается на известный труд И. Синнен. Было бы гораздо убедительней и правильней отослать читателя в данном случае к книге «Современный марийский язык», наиболее полно отражающей современное состояние марийского языка (стр. 274). Упомянув о принадлежности марийского языка к волжской ветви финно-угорских языков, диссертант делает ссылку на П. Хайду (стр. 1). В этом также не было необходимости. Принадлежность марийского языка к волжской группе финно-угорских языков теперь уже ни у кого не вызывает сомнения, и с другой стороны, это открытие было сделано еще задолго до П. Хайду.

Подразделяя говор на подгруппы, диссертант во всех случаях за основу берет административное деление — сельсоветы. Но, как известно, это не всегда соответствует границам говоров, например в том же Сидельниковском сельсовете. Поэтому мелкие подгруппы говора было бы целесообразнее назвать по-другому, скажем, кустами, тем более что в одном месте (стр. 152) Г. И. Лаврентьев сам употребляет этот термин.

Большое внимание уделяет диссертант гармонии гласных в говоре. Это вполне оправдано, ибо гармония гласных — одна из характерных особенностей марийского языка, так как в нем оно имеет две разновидности — лабиальную и палатальную. Г. И. Лаврентьев и в волжском говоре отмечает эти две разновидности. На наш взгляд, это не совсем точно. Для палатальной гармонии необходимо наличие определенных условий, которых в волжском говоре как раз не хватает (отсутствие переднерядных фонем \check{a} , \check{i} [э]). Диссертант пишет, что «палатальная гармония распространяется лишь на слова, имеющие в своем составе только огубленные гласные y (u), \check{y} (\check{u}), o , \check{o} (u_v), \check{y} (\check{n}), \check{o} » (стр. 160—161) и приводит примеры *мўрўмўжым* 'его пение', *пўскўн* 'резал'. Остальные гласные в говоре a , $ы$ (\check{a}), $и$ (i), $э$ (e) не подчиняются палатальной гармонии. «Они могут наблюдаться как после гласных переднего ряда, так и после гласных заднего ряда» (стр. 161). Автор противоречит самому себе: значит, в говоре нет палатальной гармонии, это всего лишь более широкое проявление лабиальной гармонии, несколько позже Г. И. Лаврентьев сам признается в этом: «Если бы он (М. Веске — И. И.) изучал волжский и йошкар-олинский говоры, то, непременно, его языковое чутье уловило бы и другую сторону лабиального сингармонизма — гармонию срединных гласных в закрытых слогах» (стр. 170). Конечно, суть дела не изменится от того, как мы назовем ту или иную языковую категорию. Во многих случаях это зависит от позиции исследователя, тем не менее терминологическая неоднородность может внести неясность в толкование рассматриваемых явлений.

Хорошо аргументированные выводы диссертации могут послужить толчком для новых размышлений по вопросам исторической грамматики, могут помочь воссоздать схему и направление расселения марийского народа по левому берегу Волги. Сделан еще один шаг по пути изучения марийских диалектов.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)